

—

Дело о разводе было завершено, и поместье Цзинь перестало специально скрывать новости, и вот это дело наконец-то стало известно.

Много дней спустя госпожа Чжоу и её дочь приехали в поместье Цзинь навестить их.

Госпожа Чжоу и старая госпожа обсуждали дела, а Чжоу Хуаньцин пошла в комнату к Жэньлань.

Чжоу Хуаньцин была одета в светло-жёлтую блузку и алую юбку, что подчёркивало белизну её кожи и прекрасный цвет лица. Её брови и глаза светились улыбкой, в то время как Жэньлань выглядела опечаленной, её брови были нахмурены.

Чжоу Хуаньцин взяла её за руку и спросила: «Ласточка, ты не рада моему приходу?»

Жэньлань покачала головой: «Я не то чтобы не рада твоему приходу».

«Тогда почему не улыбаешься? Ты уже взрослая девушка, скоро замуж выходишь, а радости на лице нет!»

Жэньлань едва заметно вздохнула: «Ты, наверное, уже знаешь о наших делах, как я могу радоваться?»

Чжоу Хуаньцин усмехнулась: «Я думала, что тебя так тревожит. Разве не то, что зять и тот Фу Гунцзы развелись? Они тогда...» Здесь Чжоу Хуаньцин остановилась. Как бы она ни презирала этот брак, она не могла его критиковать. Поэтому она изменила тон и продолжила: «Раз он ушёл по собственной воле, это хорошо для зятя. Разве не так?»

Жэньлань покачала головой: «Я не знаю. Мне кажется, возможно, брат Мин... у него, наверное, были невысказанные трудности».

«Этот человек, ты все ещё беспокоишься и волнуешься за него? Ласточка, ты скоро выйдешь замуж, и тебе не стоит беспокоиться о других посторонних мужчинах».

Глаза Жэньлань слегка расширились, и в её голосе послышалось недоверие: «Как ты можешь так говорить? Я зову его брат Мин, и он мне как брат».

Чжоу Хуаньцин неловко улыбнулась: «Хорошо-хорошо, я сказала не то. Но он теперь не из поместья Цзинь, и твои дальнейшие переживания о нём неуместны. Более того, зять тоже согласился на развод. Раз он отпустил, то зачем тебе это?»

Жэньлань отвернулась: «Возможно, я слишком много думаю». Но она все равно не могла понять, ей было жаль, она не верила, что Фу Мин может так внезапно и решительно поступить. Она также не знала, как сейчас обстоят дела у Фу Мина, но её сомнения, сожаления и беспокойство были бесполезны.

Чжоу Хуаньцин, видя, что не может переубедить Жэньлань, сменила тему и поговорила с ней о девичьих забавах. В конце концов, видя, что Жэньлань все ещё не заинтересована, она не стала задерживаться и, забрав служанку, вернулась к старой госпоже.

Старая госпожа только что закончила обсуждать важные дела с госпожой Чжоу. Увидев Чжоу

Хуаньцин, она замолчала. Они втроем немного поболтали и посмеялись, и госпожа Чжоу довольная увела Чжоу Хуаньцин.

В карете по дороге обратно в поместье Чжоу госпожа Чжоу улыбнулась Чжоу Хуаньцин: «Дело сделано, старая госпожа согласилась».

Чжоу Хуаньцин, услышав это, не могла не улыбнуться: «Правда? Раньше старая госпожа хоть и заинтересовалась, но так и не дала точного ответа. Неужели на этот раз она так легко согласилась?»

«Раньше дело о разводе ещё не было решено, старая госпожа, естественно, колебалась. Теперь твой зять одинок. С такой семьей, как наша, и такой девушкой, как ты, чем она может быть недовольна?»

Чжоу Хуаньцин слегка покраснела и спросила: «Но зять... он будет рад?»

Не согласиться, а быть рад. Госпожа Чжоу уловила внутреннее беспокойство и ожидания Чжоу Хуаньцин. На самом деле, она сама не была уверена, но все равно улыбнулась дочери: «Твой зять тоже будет рад. В тот год, вскоре после смерти твоей сестры, наша семья уже втайне говорила с семьёй Цзинь об этом. Тогда твой зять тоже молчаливо согласился. Теперь это просто отсрочка того, о чем договорились тогда, на несколько лет. Сейчас семья Цзинь как раз нуждается в помощи нашей семьи Чжоу, а также в хорошей невестке, которая поможет управлять домашними делами!» На этом госпожа Чжоу перестала улыбаться. Она погладила свою дочь и тихо вздохнула: «Только, Цин'эр, действительно ли это того стоит?»

Чжоу Хуаньцин, однако, решительно сказала: «Мама, поместье Цзинь — тоже очень хорошая семья, а зять... он тем более достоин. Мама, не волнуйся, я обязательно буду счастлива в будущем».

В глазах госпожи Чжоу была только нежная любовь: «Да, дай Бог, чтобы всё было так, как ты желаешь».

После визита матери и дочери Чжоу, старая госпожа вскоре приказала позвать Цзинь И к себе в комнату и рассказала ему о намерениях семьи Чжоу и своих собственных. Тон её слов был скорее уведомлением, чем обсуждением.

Цзинь И выглядел суровым, а его тон был ровным, словно он просто случайно спросил: «Это уже в третий раз, не так ли? Я женюсь, но все решают за меня».

Сердце старой госпожи сжалось, она была немного рассержена, но также чувствовала вину и сострадание. Однако, не успела она начать уговаривать его, как Цзинь И улыбнулся:

«Ладно, старая госпожа, вы абсолютно правы во всём. Пусть будет по-вашему».

По этой улыбке Цзинь И старая госпожа, казалось, уловила в нём нотку подавленного отчаяния и уныния. Она смягчила тон и сказала: «Я знаю, что после всего, что произошло, тебе, должно быть, нелегко. Но, Чанцзе, ты разумный человек и понимаешь, что главное — это общая картина. Не волнуйся, Хуаньцин выросла у меня на глазах, её внешность, само собой, прекрасна, говорит она приятно, ведёт себя подобающе, и она полностью преданна тебе. Женившись на ней, ты будешь иметь рядом чуткого и заботливого человека, и в будущем твоя жизнь будет только улучшаться».

Цзинь И не верил этому, но не стал спорить, лишь сказал: «Если у старой госпожи больше нет

дел, внук удалится».

После ухода Цзинь И старая госпожа спросила Синьюэ, которая только что вернулась, принеся ей лекарство: «Действительно ли то, что я делаю, лучше всего?»

Синьюэ с улыбкой успокоила старую госпожу: «В этом мире нет ничего лучшего, есть только подходящее, любимое и то, к чему готов. Но если не попробовать, откуда знать, подходит ли, нравится ли, готов ли? Раз старая госпожа решила, пусть всё идёт своим чередом. За ночью всегда следует рассвет. Наше поместье Цзинь столько лет переживало бури, пришло время для удачи».

Старая госпожа кивнула: «Да, ты права. За ночью всегда следует рассвет, за ночью всегда следует рассвет».

Поместье Цзинь пережило самые мрачные дни, а время года менялось от малого холода к великому.

На крестьянской деревне в пригороде столицы было значительно холоднее, чем в городском поместье Цзинь. Вань Лань каждый день разжигала угольный огонь, и Фу Мин сидел у печи, часто либо дремал, опираясь на тахту, либо бодрствовал, погруженный в свои мысли. Маленькое одеяльце, лежавшее на его коленях, падало незамеченным, и Люй Фэй время от времени поднимала его и снова укрывала Фу Мина. Из-за недостатка сил он даже меньше читал книги, а на цитре, присланной Цзинь И, осела пыль. Только когда доктор Фан возвращался извне, он собирался с силами и болтал с ним.

Хотя доктор Фан говорил, что в последнее время у него есть свободное время, на самом деле он не был совершенно свободен, но он всё равно проводил здесь много времени каждый день. Под его тщательным лечением, несмотря на всё более суровую погоду и плохое настроение Фу Мина, состояние болезни всё равно медленно улучшалось.

В этот день доктора Фана временно не было, и в ворота двора, что было редкостью, постучали.

Люй Фэй пошла открывать, и увидев пришедшего, ей показалось, что он знаком. Подумав, она поняла, что это один из тех, кто в прежние годы пришёл за кормилицей Фу Мина, когда та собиралась на юг, это был её собственный племянник.

Этот человек давно прибыл в столицу, но долго не мог найти Фу Мина, везде натываясь на препятствия, и лишь после нескольких поворотов наконец-то нашёл нужное место.

Люй Фэй повела его к Фу Мину. Пришедший, увидев явную болезненность Фу Мина и вспомнив недавние расспросы о связанных с ним делах, почувствовал некоторое сострадание и сначала обменялся с ним несколькими приветствиями.

Фу Мин извинился: «Из-за всего, что произошло в последнее время, и моей болезни, я не успел вовремя послать вам письмо, извините, что заставил вас так долго искать».

«Я понимаю. В эти дни вам пришлось нелегко, Фу Гунцзы. Я всего лишь немного побегал, ничего страшного».

Фу Мин спросил: «Не знаю, зачем вы пришли на этот раз?»

Пришедший, хотя и считал, что его приход с вестью — это как снег на голову, но должен был сказать: «На самом деле, тётушка после наступления зимы снова заболела старым недугом, и

её состояние ухудшается день ото дня. Она хотела бы вас увидеть, но, к сожалению, совсем не может двигаться, поэтому...»

Фу Мин, услышав это, слегка наклонился вперёд, его лицо выражало панику: «Вы говорите... это правда?» Он знал, это должно быть правдой, кто бы стал так шутить с ним?

Фу Мин был так взволнован, что Люй Фэй рядом с ним выяснила все подробности. Фу Мин тут же захотел отправиться в путь, но он сам был болен и не мог ехать на юг. Не только две служанки, но и племянник кормилицы умоляли его, говоря: «Гунцзы в таком состоянии, тётушке, наверное, будет нелегко, увидев вас. Более того, если с вами что-то случится по дороге, я не смогу снять с себя вину, а о тётушке и говорить нечего».

Фу Мин все ещё настаивал, но тут как раз подоспевший доктор Фан тоже начал его уговаривать. Его тон был жестче, чем у этих троих, и это было не столько уговаривание, сколько принуждение Фу Мина остаться здесь взаперти.

В конце концов, доктор Фан оставил несколько рецептов, наказав Фу Мину тщательно лечиться и менять лекарства в зависимости от изменения состояния. Он также трижды проинструктировал Люй Фэй и Вань Лань, а сам отправился на юг вместе с пришедшим человеком.

На прощание доктор Фан сказал Фу Мину: «Ты должен понимать, что мой приезд полезнее, чем твой. Так что сиди спокойно. Если я вернусь, а ты всё ещё будешь в таком состоянии, жди от меня суровых мер!»

После того как доктор Фан ушёл, Фу Мин погладил своё запястье, словно обращаясь к кому-то, но также и к себе: «Я, конечно, знаю, что его поездка полезнее моей. Но я...» Он проглотил невысказанные слова. Но Люй Фэй, казалось, поняла. Вероятно, он думал:

Если я не пойду, боюсь, я навсегда останусь с сожалением.

—

Через несколько дней после сильных морозов наступил канун Нового года.

Это был самый холодный канун Нового года для Люй Фэй и Вань Лань с тех пор, как они следовали за Фу Мином. Но они всё равно приготовили много всего. Фу Мин собрался с силами и написал пару куплетов, которые они приклеили снаружи на дверь. В канун Нового года, при свете свечей и огня, хозяин и две служанки, независимо от положения, сидели за одним столом, и появилось ощущение, будто они зависят друг от друга, одинокие, но не лишённые тепла.

Фу Мин собирался бодрствовать всю ночь. Деревня была тихой. Он слушал шум ветра за окном, редкий лай собак и звуки игры в нарды двух служанок в доме. Он бесцельно вспоминал прошлое, но в смеси горько-сладких эмоций незаметно уснул.

Но после Нового года, в первый день Праздника Весны, этот маленький фермерский дом принял двух-трёх гостей.

Первым пришёл Янь Лэ, но у него сегодня было мало времени, поэтому он не засиделся, лишь снова и снова наставлял Фу Мина: «Я вижу, ты всё ещё неважно выглядишь. Обязательно слушай господина Фана, не утруждай себя слишком сильно, хорошо восстанавливайся».

Фу Мин добродушно соглашался снова и снова, и Янь Лэ, немного успокоившись, поспешно удалился.

В середине дня пришли несколько крестьян из соседних хозяйств, принеся вяленое мясо, рисовое вино и прочее. Это были бывшие фермеры с поместья Фу Мина. Они сказали, что это благодарность. Фу Мин с улыбкой принял подарки и попросил Люй Фэй и Вань Лань дать им в ответ купленные новогодние товары. Крестьяне сначала не хотели брать, но не могли отказать двум милостивым и радушным девушкам, поэтому пришлось принять и унести.

В полдень Вань Лань приготовила блюдо из вяленого мяса и подогрела немного рисового вина, разрешив Фу Мину выпить небольшую чашу. Давно не пробовав вина, хотя рисовое вино и не считалось крепким, Фу Мин пил его с большим удовольствием.

После полудня пришёл Сунь Цанъюн. Он, конечно, хотел принести вино, но, зная, что Фу Мин болен и ему нельзя пить, принёс только еду. Увидев, что Фу Мин всё ещё не в лучшем расположении духа, он не стал засиживаться, рассказал ему несколько забавных историй, пожелал ему скорейшего выздоровления и попрощался.

После часа дня пришёл и Чжоу Чэнъянь.

С тех пор как Фу Мин покинул поместье Цзинь, он впервые встретил Чжоу Чэнъяня. Чжоу Чэнъянь сначала не знал о делах Фу Мина, а затем услышал, что тот развёлся с Цзинь И. А потом его родители объявили о браке его младшей сестры. События следовали одно за другим, и ему потребовалось много времени, чтобы постепенно принять это и найти нынешнее убежище Фу Мина.

Он хоть и сожалел о Фу Мине, но Фу Мин был настоящим мужчиной, не нуждающимся в жалости, а лишь в уважении. Поэтому, даже если их встреча была уже совсем не такой, как раньше, и окружающее было запустением, он все равно смог сохранить внешнее спокойствие и общаться с Фу Мином мирно. Как будто их дружба изначально не зависела от статуса. Независимо от того, был ли Фу Мин зятем из аристократической семьи или теперь бездомным молодым человеком, живущим в крестьянской хижине, он все равно оставался его близким другом, таким же, как и раньше.

Встреча требует повода, но понимание — лишь сердца.

Когда двое беседовали у очага, снаружи пошёл снег. Фу Мин предложил Чжоу Чэнъяню остаться на ужин, и тот не отказался, поэтому остался поужинать. Блюда были не такими обильными, как в его поместье, но вкусными. После ужина Чжоу Чэнъянь уехал, когда снег прекратился.

Фу Мин, завернувшись в толстый плащ, провожал его до двери, но тот остановил его у порога.

Фу Мин улыбнулся: «Сыфу, я очень рад, что ты пришёл сегодня».

Чжоу Чэнъянь ничего не сказал, только произнёс: «Впредь я буду приходить чаще».

«Хорошо. Когда я поправлюсь, заварю тебе чай».

Чжоу Чэнъянь тоже улыбнулся: «Когда поправишься, я соберу Юань Шу, Цин Суня и других, и ты не только заваришь чай, но и сыграешь нам мелодию».

«Хорошо. Давайждемся глубокой весны, тогда я точно поправлюсь, и мы снова соберёмся».

Чжоу Чэньяннь протянул руку, немного задержался, а затем похлопал Фу Мина по плечу: «Я пошёл, до свидания».

«До свидания», — голос Фу Мина растворился в ночном ветре, медленно уносясь в ночное небо.

Выйдя из двора, Чжоу Чэньяннь обернулся, чтобы взглянуть на низкий забор и крышу в сумерках, и вдруг его глаза увлажнились. Он не понимал, почему у него появились слезы, ведь не было особого горя. И Фу Мин, даже оказавшись в таком положении, все равно оставался тем же спокойным и нежным Фу Мином, каким он был вначале. Тогда почему же он чувствовал это неудержимое беспокойство в сердце?

—

<http://bllate.org/book/12585/1118440>